

Сун Чэн и сам не понимал, чего ждал, меча грома и молнии. Тот, на кого обрушился его гнев, не проронил ни слова — лишь сжался в комочек, словно пытаясь сделаться невидимым.

Он молча созерцал эту картину, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

На постели всё ещё лежал невидимый отпечаток чужого присутствия. Стоило приподнять одеяло, как в нос ударил тот самый аромат, исходивший от Цзао Циня. Тонкий, навязчивый запах мгновенно проник глубоко в лёгкие, бесцеремонно вторгаясь в мысли и путая карты.

— Грязь какая... — процедил он сквозь зубы, комкая в кулаке край одеяла и заставляя себя отвести взгляд.

Чистое бельё обычно лежало в шкафу. Шаги Сун Чэна звучали неровно и порывисто. Он резко подошёл к двери и щёлкнул выключателем. Комнату мгновенно залил резкий, беспощадный свет.

Вспышка ослепила Цзао Циня. Он зажмурился, а затем часто-часто замигал, пытаясь привыкнуть к яркости. Густые ресницы мелко дрожали.

Теперь всё тайное стало явным, выставленное напоказ под этим безжалостным электрическим сиянием.

Сун Чэну требовалось лишь слегка повернуть голову, чтобы увидеть того, кто вечно не давал ему прохода. Цзао Цинь сидел прямо на тёмном паркете, подняв к нему бледное, изящное лицо. В обрамлении антрацитово-чёрных волос и подола платья его кожа казалась фарфорово-белой, с нежным, едва заметным розовым отливом.

Он сжался всем телом, напоминая хрупкий, ещё не распустившийся бутон.

Но уже в следующее мгновение свет погас, оставив после себя лишь непроглядную темноту. Из-за резкого контраста глаза Цзао Циня временно ослепли — перед взором поплыли тёмные круги, лишая его возможности хоть что-то разглядеть.

Растерявшись, юноша тихо шмыгнул носом. Прохладный ночной воздух начала лета успел остудить комнату, заставив его поёжиться. Он искренне не понимал, какая муха укусила Сун Чэна.

В темноте раздались шаги соседа, а затем — тихий скрип открывающихся дверей шкафа.

Почувствовав, что в него что-то летит, Цзао Цинь инстинктивно отпрянул, но мягкий свёрток всё равно глухо приземлился ему на грудь. Нашупав вещь руками, он понял, что это куртка — ткань была плотной и гладкой, а пальцы наткнулись на холодные звенья металлической молнии.

Это озадачило его ещё сильнее. Что за странные игры?

— Живо марш в свою постель, — резко и скороговоркой бросил Сун Чэн.

Словно устыдившись собственного порыва, он тут же раздражённо добавил, пытаясь оправдаться:

— А куртку я швырнул только для того, чтобы ты прикрыл своё непотребство. Глаза бы мои тебя не видели.

Очередная порция колкостей заставила Цзао Циня обиженно надуть губы. Да, он признавал свою вину, но выслушивать эти бесконечные нападки всё равно было неприятно.

Тоже мне, нашёл пуп земли. Будто ему самому так уж хотелось попадаться Сун Чэну на глаза!

Он ведь вовсе не собирался крутить с ним любовь. Его интересовало лишь одно: влияние матери Сун Чэна, способной помочь ему вернуться в заветный Сектор А.

Ноющая боль в ушибленных коленях постепенно утихла, перестав быть такой невыносимой.

Потерев ссадину, Цзао Цинь внезапно вспомнил об одной немаловажной детали. На нём ведь до сих пор красовался тот самый наряд, заказанный в интернете, про который в отзывах писали: «Ни один мужчина не устоит».

Если Сун Чэн разглядит его как следует, то точно изойдёт ядом от презрения.

— Я уже ухожу! — поспешно крикнул он в темноту. — Только умоляю, не включай свет!

В его голосе сквозило такое смущение, словно он был застенчивым скромником, а не тем самым наглецом, который только что пытался залезть в чужую постель.

От этой невинной интонации у Сун Чэна словно кость поперёк горла встала. В груди разлилась тяжёлая, давящая досада. Наперекор чужой просьбе в нём тут же разыгралось глухое упрямство. Рука сама потянулась к выключателю.

Он подозревал, что всему виной побочный эффект от игровых предметов.

В отличие от обычных игроков, выбравших стандартную роль «переведённого ученика», он предпочёл занять место уже существующего персонажа. В результате чужие воспоминания частично переплелись с его собственными, порождая двусмысленные, смущающие чувства к этому назойливому NPC.

Лицо преследователя в чужой памяти оставалось размытым пятном, однако Сун Чэн отчётливо ощущал: прежний владелец тела вовсе не испытывал к Цзао Циню отвращения.

Вот только он — не тот жалкий слабак. Подобный типаж вызывал у него стойкое неприятие, и идти у чужих эмоций на поводу он не собирался.

Щелчок — и комнату вновь залило ярким сиянием.

Это демонстративное неповиновение принесло кратковременное облегчение, слегка уняв бушевавшее внутри раздражение.

Перед входом в мир испытания он не удосужился вникнуть во все тонкости здешнего лора и теперь, осознав всю глубину проблемы, горько раскаивался в своём выборе. Когда он вышел из ванной и обнаружил на своей постели постороннего, воображение услужливо нарисовало грязного, вульгарного типа, извивающегося на простынях в дешёвых попытках соблазнения. Нахлынувшая волна брезгливости и гнева едва не задушила его на месте.

Однако навязанная предвзятость рассыпалась в прах, стоило ему бесцеремонно схватить Цзао Циня за плечи. На секунду Сун Чэн буквально потерял дар речи.

Мальчишка оказался невероятно, пугающе лёгким.

Страхнув наваждение, Сун Чэн решил не тратить драгоценные минуты на пустые размышления. На выполнение миссии отводилось всего пять суток, начиная с полуночи, так что медлить не следовало.

Он рассеянно окинул взглядом комнату. Глаза скользнули по ряду металлических шкафчиков для одежды, и вдруг его зрачки сузились от неожиданности.

Начищенная до блеска стальная ручка одного из шкафов, сработав как зеркало, отразила и донесла до него дразнящий, манящий силуэт.

Он резко отвернулся и мгновенно погрузил комнату во тьму, ударив по выключателю.

Однако мимолётный образ намертво врезался в сознание. В тишине отчётливо застучал пульс, отдаваясь в ушах. Время словно замедлило свой ход, а душный ночной воздух показался невыносимо горячим. Сун Чэн опустил голову, нервно потирая подушечки пальцев.

Цзао Цинь только успел подняться на ноги, как вокруг снова воцарился мрак.

«Псих ненормальный...» — мысленно проворчал он.

Делать было нечего — пришлось на ощупь пробираться к своей кровати. Его спальное место отличалось от остальных: на нём лежали сразу два плотных одеяла. Нижнее он всегда сворачивал по краям так, чтобы в центре получалось уютное гнездо. Цзао Цинь забирался в эту ложбинку, укрывался вторым одеялом с головой, и только тогда чувствовал себя в полной безопасности.

Юноша втайне подозревал, что в нём говорит зов предков — всё-таки их далёкие прародители предпочитали спать в тесных гробах. Сам он тоже давно мечтал опробовать подобное ложе, да всё как-то случая не представлялось.

Простыни встретили его бодрящим холодком. Юноша юркнул под одеяло, зябко передёрнув плечами, а затем аккуратно натянул его до самого подбородка, оставив снаружи только макушку и лицо. Лишь после этого он негромко позвал соседа:

— Всё, я лёг.

\*\*\*

В этот поздний час свет горел лишь в кабинете студенческого совета.

Под холодным сиянием люминесцентных ламп на кожаном диване развалился высокий, широкоплечий парень. Закатав рукава белоснежной рубашки, он лениво листал ленту в телефоне, демонстрируя крепкие, рельефные предплечья.

— Тот случай в душевой позавчера... Все теперь до смерти запуганы, боятся ходить туда поодиночке. Куча народу уже написала заявления об освобождении от занятий.

— А мы-то что можем сделать? Мы такие же студенты, и так прыгаем выше головы!

— Погибло столько наших ребят! Разве студсовет не обязан...

На этих словах парень на диване издевательски усмехнулся. Разговоры тут же стихли, и все присутствующие обратили к нему выжидающие взгляды.

Он соизволил оторваться от экрана и смерил говорившего холодным взглядом, даже не подумав смягчить тон ради коллеги по совету:

— А ты пойдёшь, на колени перед вампирами встань. Умоляй забрать твою жизнь вместо их жизней. Глядишь, эти кровососы растрогаются и мигом исполнят мечту такого великого праведника.

— Цинь Цзышуай! Хватит паясничать! — вскипел парень, мгновенно залившись краской гнева

и вскакивая со своего места.

Остальные поспешили дежурно вмешаться, стараясь замять назревающую ссору:

— Ладно вам, остыньте.

— Хватит уже, прекратите.

— Давайте не будем ссориться.

Экран телефона тускло мигнул, сменяя цифры часов.

Цинь Цзышуай поднялся, подхватил со спинки дивана форменный пиджак и, даже не взглянув на коллег, бросил на ходу:

— Раз вопросов больше нет, я пошёл спать.

Его шаги гулко раздавались на лестничных пролётах. Главный корпус академии представлял собой монументальный замок в готическом стиле. Под одной крышей здесь соседствовали лекционные залы, жилые блоки и даже спортивные комплексы. При желании студент мог неделями не выходить наружу, вообще не видя солнечного света.

Вернувшись к себе и щёлкнув выключателем, Цинь Цзышуай застал довольно мирную картину. Сун Чэн полулежал на кровати, откинувшись на стопку подушек и скрестив руки на груди. Глаза его были закрыты.

На противоположной стороне комнаты, под одеялом соседа, угадывался лишь крохотный, почти плоский бугорок, из-под которого виднелась прядь мягких чёрных волос.

Разительный контраст с привычным поведением Цзао Циня, который обычно не умолкал ни на минуту и вился вокруг Сун Чэна до самого отбоя.

О чувствах Цзао Циня к первому красавцу Сектора Б знал буквально каждый. Мальчишка преследовал Сун Чэна повсюду, ловил у аудиторий и без тени смущения лип к нему на глазах у всех.

Стать объектом подобной одержимости — сомнительное удовольствие.

Цинь Цзышуай понимающе усмехнулся. На его лице проступило насмешливое, предвкушающее выражение. Прикрыв за собой дверь, он небрежно зашвырнул бутылку с водой на свою кровать. Его спальное место располагалось как раз напротив ложа Цзао Циня.

Засунув руки в карманы брюк, он неторопливой походкой подошёл к постели Сун Чэна.

Почувствовав чужое присутствие, Сун Чэн приоткрыл глаза. Поймав его взгляд, Цинь Цзышуай заговорщически кивнул в сторону кокона на соседней кровати и беззвучно, одними губами, спросил с издевательской ухмылкой:

— Ну что, приласкал его?

— Сходи к врачу, придурок, — процедил Сун Чэн, мгновенно помрачнев. Он бросил быстрый взгляд на затаившегося соседа и раздражённо отвернулся.

Цинь Цзышуай лишь хмыкнул, ничуть не обидевшись. Реакция приятеля показалась ему даже слишком сдержанной.

— Ну и зануда, — фыркнул он под нос.

Сделав два шага, он бесцеремонно опустился на край матраса Цзао Циня. Пружины жалобно скрипнули, и вся конструкция ощутимо покачнулась. Гость даже не подумал о том, каково спящему.

— Наш милашка Циньцин так старается, так льнёт к тебе... Сам в постель лезет, а ты воротишь нос. Неужели тебе его совсем не жалко?

Он продолжал сыпать двусмысленными шуточками, но его взгляд уже скользнул к самому виновнику ночного переполоха. Цинь Цзышуай даже пропустил мимо ушей ледяную реплику Сун Чэна: «Если так приспичило — забирай себе и утешай сколько влезет».

Цзао Цинь лежал спиной к нему. Из-под вороха одеял виднелась лишь шапка шелковистых тёмных волос да незащищённая, молочно-белая шея.

Тяжёлый матрас просел под весом гостя, и край одеяла предательски сполз вниз. Взору открылась тонкая, изящная линия плеч. Ткань наряда — чёрный шёлк, отделанный нежным белым кружевом, — съехала в сторону, обнажая хрупкие ключицы. Тонкая бретелька свободно соскользнула, подчёркивая безупречную белизну кожи.

В полумраке спального яруса его кожа казалась почти полупрозрачной. Чудилось, будто от неё исходит тонкий, дурманивший аромат. Аккуратные, чётко очерченные позвонки спускались изящной линией, которая уходила глубже под край одеяла, лишая возможности рассмотреть больше.

По всем правилам, Цинь Цзышуай должен был испытать брезгливость. Парню не пристало расхаживать в подобном виде, тем более крутиться в чужой постели во время его отсутствия.

Однако вместо отвращения он почувствовал странное волнение. Его кадык судорожно дёрнулся, а тёмно-зелёные глаза расширились. Цинь Цзышуай неосознанно подался вперёд, почти касаясь лица спящего.

Только резкий щелчок закрывшейся двери вырвал его из оцепенения. Мысль, которую он пытался высказать секунду назад, начисто стёрлась из памяти.

Затаившийся под одеялом Цзао Цинь осторожно высунул носик. Убедившись, что Сун Чэн ушёл, он облегчённо перевёл дух. Куда именно направился его строгий сосед, юношу сейчас волновало меньше всего.

Он приподнял голову и столкнулся взглядом с Цинь Цзышуаем, всё ещё сидевшим на краю его матраса.

Раньше они почти не общались — учились в разных группах, да и обязанности в студенческом совете отнимали у того кучу времени. Однако заступничество парня в недавней стычке с Сун Чэном оставило у Цзао Циня весьма приятное впечатление.

Завернувшись в одеяло как в кокон, Цзао Цинь сел. Наружу выглядывало только его личико — заплаканное, с покрасневшим кончиком носа и припухшими веками.

Он несмело вскинул пушистые ресницы и тихо, но искренне произнёс:

— Спасибо тебе.

В этот миг он показался Цинь Цзышуаю до невозможности беззащитным и трогательным — точь-в-точь напуганный крольчонок. У того даже дыхание перехватило.

Прожжённый шутник впервые в жизни лишился дара речи, не в силах отвести взор от лица своего соседа.

Заметив это пристальное внимание, Цзао Цинь недоумённо склонил голову набок и спросил пересохшими губами:

— Ты... чего так на меня смотришь?

Говорят, когда смотришь на того, кто тебе небезразличен, под его ответным взглядом всегда хочется отвести глаза. В эту секунду Цинь Цзышуай сполна осознал правдивость этого правила.

Он резко отвернулся, шумно выдохнул и, мысленно выругавшись, вновь заставил себя повернуться к юноше.

— Да так, ерунда... — пробормотал он более уверенно. — Просто хотел убедиться, что этот чистоплюй тебя не обидел, пока меня не было.

Наглец не испытывал ни малейших угрызений совести. Раньше он относился к ухаживаниям Цзао Циня за Сун Чэном исключительно как к забавному спектаклю, порой отпуская колкие шуточки, но никогда не опускался до прямых оскорблений. Иногда он даже в шутку ласково звал его «Циньцин». Так что изобразить искреннее участие сейчас не составило для него никакого труда.

Просто до этого момента он никогда не присматривался к парню так близко. Кто же знал, что тот окажется столь очаровательным и милым? Слухи о его капризном и невыносимом характере теперь казались нелепой выдумкой.

«А Сун Чэн-то знатный слепец», — промелькнуло в голове у Цинь Цзышуая.

Цзао Цинь растерянно моргнул. Проявление теплоты со стороны соседа застало его врасплох. Сжав губы, он едва слышно ответил:

— Всё нормально.

Под одеялом он осторожно коснулся пальцами колена. Разбитый сустав тут же отозвался острой, пульсирующей болью, от которой тоскливо заныло в груди. Пускай Сун Чэн имел все основания прогнать его, перенесённое унижение всё равно оставило горький осадок. Цзао Цинь изо всех сил старался сдержать подступающие слёзы, но ресницы его дрогнули, и он поспешно опустил голову.

Внезапно тёплые пальцы легонько коснулись его лба. Вскинув глаза, Цзао Цинь обнаружил, что Цинь Цзышуай подался ещё ближе. Крупные, резкие черты его лица оказались совсем рядом. Тот хмурился, отчего его вид казался суровым и даже слегка угрожающим:

— Так он тебя всё-таки обидел?

В его голосе сквозило неподдельное раздражение — словно он лично был готов поквитаться за соседа.

Разумеется, они не были близкими друзьями, и открывать душу едва знакомому человеку не следовало. Однако после всего, что произошло в его семье, после грубого толчка на пол и ноющей раны на колене, Цинь Цзышуай оказался единственным, кто проявил к нему хоть каплю участия.

Юноша крепко сжал кулаки под одеялом, пытаясь совладать с нахлынувшими чувствами, но глаза неудержимо защипало от слёз. На миг ему безумно захотелось выговориться.

Он едва заметно кивнул, не решаясь поднять лица — знал, что стоит ему встретиться взглядом с сочувствующим собеседником, как слёзы брызнут из глаз.

— Вот же урод, — вполголоса выругался Цинь Цзышуай. Он и подумать не мог, что Сун Чэн действительно перешёл черту. Тот и раньше частенько бывал резок, но до такой беззащитной обиды мальчика ещё никто не доводил.

— Что этот гад сделал? Наговорил мерзостей?

Внешне Цзао Цинь выглядел целым и невредимым, никаких следов побоев на нём не было видно.

Цзао Цинь отрицательно покачал головой. Перехватив край одеяла тонкой рукой, он слегка приоткрыл его, являя свету изящную, бледную голень.

Плавные, нежные изгибы его тела, точёные очертания лодыжки и безупречный подъём стопы казались ожившим шедевром скульптора. Рядом с грубым мужским телом Цинь Цзышуая этот мальчик выглядел созданием совершенно иного, неземного происхождения.

Он поднял на соседа влажные янтарные глаза, полные безграничного детского доверия, словно жалуясь самому близкому человеку:

— Вот, посмотри на мои колени...

В носу у Цинь Цзышуая внезапно и стремительно потеплело. Он запоздало вскинул ладонь, пытаясь зажать лицо, но не успел.

Густая алая капля сорвалась вниз, пачкая безупречную кожу Цзао Циня. На фарфоровой бледности голени она вспыхнула ярким рубином, упавшим на белоснежный шёлк — слепяще-красная, завораживающая и пугающе желанная.

<http://bllate.org/book/18271/1763086>